

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ Д.Е. РАСКОВА
«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ СТАРООБРЯДЧЕСТВА»
(СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2012)**

РОЗМАИНСКИЙ ИВАН ВАДИМОВИЧ,

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
Национального исследовательского университета —
Высшей школы экономики, Санкт-Петербург,
e-mail: rozvit@mail.ru*

Представлена рецензия на книгу «Экономические институты старообрядчества». Рассматриваемая работа находится на стыке экономической истории, экономической социологии, экономической теории (в первую очередь, нового институционализма) и даже, возможно, религиоведения. Автор пытается разобраться в загадочном феномене старообрядческого предпринимательства, сыгравшего очень важную роль в экономическом развитии России в конце XVIII–начале XX вв.

Ключевые слова: старообрядческое предпринимательство; экономические институты; неформальные институты; протестантская этика.

The author presents a review of the book «The Economic Institutions of the Old Believers». The study is at the crossroads of economic history, economic sociology, economic theory (in the first place, the new institutionalism) and maybe even religious studies. The author tries to understand the mysterious phenomenon of Old Believe entrepreneurship, played a very important role in the economic development of Russia in the late XVIII–early XX centuries.

Keywords: Old Believers entrepreneurship; economic institutions; informal institutions; the Protestant ethic.

Коды классификатора JEL: B52, L26, M21.

В 1998 г., в январском номере журнала «Семинар молодых экономистов», издававшегося тиражом 70 экземпляров (всего вышло шесть номеров, а этот номер был четвертым), появилась печатная версия доклада Данилы Раскова «Старообрядческое предпринимательство в свете теории М. Вебера» (Расков 1998). Цель этого доклада состояла в том, чтобы, используя методологию Макса Вебера (а также некоторых альтернативных подходов, включая «мейнстрим»), «выявить причины успешной мирской деятельности староверов, разрешить вопрос о характере взаимосвязи между экономической активностью и хозяйственной этикой русских раскольников» (Расков 1998, 5). Можно только добавить, что этот доклад вызвал оживленную дискуссию, которая нашла отражение в указанном журнале, так быстро, к сожалению, прекратившим свое существование.

С того момента прошло 14 лет. Все эти годы Расков занимался «старообрядческим предпринимательством» и смежными темами. Вплоть до настоящего момента им было опубликовано еще около 20 работ по указанной проблематике. И вот, перед нами — «конечный результат» всех проведенных исследований. Это — изданная уже более значительным тиражом, который все равно, увы, невелик (400 экземпляров), — книга «Экономические институты старообрядчества».

Она написана в очень необычном жанре, который можно назвать «междисциплинарным». Рассматриваемая работа находится на стыке экономической истории, экономической социоло-

гии, экономической теории (в первую очередь, нового институционализма) и даже, возможно, религиоведения. Автор пытается разобраться в загадочном феномене старообрядческого предпринимательства, сыгравшего очень важную роль в экономическом развитии России в конце XVIII—начале XX вв.

Расков в самом начале книги подчеркивает, что «сходство названия данной книги с известным трактатом Оливера Уильямсона «Экономические институты капитализма» скорее является случайным, чем намеренным» (Расков 2012, 13). И это утверждение справедливо. Дело в том, что проведенное автором исследование институтов старообрядчества не служит целью эмпирически подтвердить или опровергнуть ту или иную теорию или модель. Иначе говоря, экономические институты старообрядчества — не средство, а цель. Задача автора — понять это непростое явление, используя инструментарий сразу нескольких «релевантных» наук, а не только экономической теории. И стоит согласиться с Расковым в том, что сделанные им выводы «могут иметь важное значение для экономической теории и экономической истории, для институциональной интерпретации конфессионального предпринимательства, для понимания того, как функционируют неформальные институты в процессе экономического развития» (Расков 2012, 13). Я бы добавил, что данная книга — пример «открытого», «не знающего искусственных границ» институционального анализа религиозных институтов.

Первая глава книги — пожалуй, наименее интересная для теоретика-экономиста, но служащая необходимой эмпирической основой для последующих рассуждений, — представляет собой экскурс в экономическую историю деятельности старообрядцев. На основании большого количества статистических данных и прочих изученных документов Расков пытается сформулировать выводы о той роли, которую сыграли старообрядцы в экономике России за исследуемый период. В частности, автор выясняет, с какими правовыми ограничениями сталкивались старообрядцы, как сменяли друг друга периоды притеснений и послаблений. Кроме того, в первой главе подробно разбирается вклад старообрядцев в экономическое развитие трех регионов — Москвы, Санкт-Петербурга и Новгородской губернии. Расков анализирует важность хозяйственной деятельности старообрядцев для таких отраслей, как хлопчатобумажная промышленность, шерстяная промышленность и торговля.

Согласно рассматриваемой книге, особую значимость деятельность старообрядцев представляла для текстильной промышленности в Московской губернии с конца XVIII в., когда по указу Екатерины II старообрядцы получили официальный статус, по 60-е гг. XIX в. Этот тезис автор доказывает, опираясь на детальное историко-статистическое исследование. Учитывая ведущую роль Москвы в хозяйственной жизни России того времени (и не только того времени) и тот факт, что именно текстильная промышленность была «локомотивом роста» российской экономики в течение первых двух третей XIX в., можно сделать вывод об исключительности вклада старообрядцев в экономическое развитие нашей страны в указанный период. Но почему староверам удалось внести такой вклад? Ответ на этот вопрос Расков пытается дать в следующих главах своего труда.

Вторая глава книги — на мой взгляд, самая интересная, — принадлежит в наибольшей степени области экономической социологии, а также, что не случайно, некоторым направлениям неортодоксальной экономической мысли вроде традиционного институционализма (хотя в книге о последнем аспекте ничего не сказано). Автор пытается осмыслить, в чем состояла хозяйственная этика старообрядцев.

Сначала Расков отталкивается от концепции Макса Вебера, содержащейся в его знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма». В своей трактовке теории Вебера он отмечает важность понятия «избирательное сродство» (*die Wahlverwandschaften*) для веберовской интерпретации связи экономики и религии. Расков пишет: «в результате стечения многих обстоятельств протестантская этика, вступив во взаимодействие с материальной культурой, образовала новое явление, «новое вещество» — рационалистический дух капитализма. Обращаясь к интерпретации Гете, протестантизм следует уподобить известняку, материальный базис — серной кислоте, рациональность — извести, а гипс — хозяйственной этики современного капитализма. То есть избирательное сродство между религиозно-этическими принципами протестантизма и современной формой хозяйства основано на рационализации» (Расков 2012, 124). Вот почему, по Веберу, «пуританизм стоял у колыбели современного экономического человека» (Вебер 1990, 200). Автор рассматриваемой книги не идеализирует подход Вебера и здесь же обсуждает взгляды его оппонентов, критиковавших «Протестантскую этику и дух

капитализма» как с исторических (и/или экономических), так и с теологических позиций. Несмотря на явный интерес к концепции Вебера, Расков нельзя упрекнуть в «веберизме», его отличает трезвое и критическое отношение к теоретическому наследию выдающегося немецкого ученого. В то же время, его можно в определенной степени причислить к сторонникам и Вебера, и традиционного институционализма на том основании, что он склонен рассматривать рациональность не как универсальное свойство человеческой природы, а как определенную культурную норму, формируемую под воздействием некоторых институтов, в том числе и религии. В этом плане подход автора рассматриваемой книги явно расходится с современным экономическим «мейнстримом».

Далее Расков пытается применить идеи Вебера к анализу старообрядческого предпринимательства и делает вывод о том, что «находить прямые аналогии между экономическими следствиями протестантизма и старообрядчества для развития Европы и России более чем затруднительно» (Расков 2012, 134). Однако, в то же время в книге обоснованно утверждается, что «староверы по многим внешним проявлениям оказываются, безусловно, ближе к протестантам», чем к представителям «официального православия» (Расков 2012, 135). Общее — прежде всего, в «религиозной рациональности» и «мирском аскетизме».

И здесь Расков переходит к обсуждению элементов хозяйственного стиля старообрядцев, т. е., на мой взгляд, к важнейшей части своей книги. Ведь именно анализ «хозяйственного стиля» той или иной группы лиц позволяет выявить основные характеристики экономического поведения этой группы.

Как пишет автор, «хозяйственный стиль в большинстве случаев выступает проекцией определенной «картины мира», «символического выражения мироощущения» (Расков 2012, 136). Эта «картина мира», согласно разбираемой нами книге, носит подчеркнуто эсхатологический характер и включает представление о «древлеправославной» России как о Третьем Риме, веру в незыблемость обрядов и «неизбежность близкого конца мира» (Расков 2012, 139–140). Эти «представления», становясь культурной нормой старообрядцев, генерируют «близкое к иудейскому острое ощущение избранности, дающее силы и в мирских делах. Отсюда доверие, взаимопомощь и взаимовыручка в предпринимательстве» (Расков 2012, 140). Отсюда и ветхозаветное, «благожелательное» отношение к торговле и собственности, «которое сохранилось в среде старообрядцев вплоть до наших дней» (Расков 2012, 141). Важнейший вывод Раскова состоит в том, что «культурные нормы старообрядчества создают предпосылки для более рационального отношения к хозяйству» (Расков 2012, 142).

Именно из этой «картины мира» следует специфический хозяйственный стиль старообрядцев. Его основные элементы — это «мирская аскеза», трудолюбие, бережливость, взаимное доверие внутри общины и императивы социального служения. «Таким образом, хозяйственный стиль купцов-старообрядцев проявлялся как в производстве (трудолюбие), так и в потреблении (бережливость) и распределении (служение общине)» (Расков 2012, 146).

На мой взгляд, изучение хозяйственного стиля старообрядцев дает ключ к объяснению того, почему их деятельность способствовала экономическому развитию России и почему именно староверы содействовали экономической и технологической модернизации своей страны в XIX в. В частности, «малое соотношение затрат времени на отдых и труд» приводило к большей производительности труда старообрядцев по сравнению с представителями «официального православия», а «отказ от расточительства и необдуманных трат» способствовал «быстрому накоплению капиталов, необходимых для инвестиций в новые отрасли промышленности, в развитие торговых сетей» (Расков 2012, 143–144). Таким образом, хозяйственная этика старообрядцев способствовала развитию капитализма в России. Впрочем, Расков оговаривается и пишет о том, что «старообрядческий тип организации был более органичен для традиционного капитализма, который строился на репутации, личных отношениях, семейных и корпоративных связей. Современный капитализм, с его безличным типом отношений, уже был чужд ревнителям буквы и старины» (Расков 2012, 135).

После этого Расков, используя более конкретные данные, детально рассматривает отношение старообрядцев к торговле, проценту и собственности (в основном среди беспоповцев, наиболее радикального крыла староверов), а затем следует заключительный раздел второй главы «Эсхатология и активность в миру» (Расков 2012, 204–213), также один из важнейших в книге. В этом разделе, в частности, Расков пытается понять, почему эсхатологические ожидания приводили к «повышенной» экономической активности староверов. Он приходит к выводу о том, что «эсхатология делала субъектов более ответственными за свои действия и поступки» и «со-

четалась с активной жизненной позицией: большим трудолюбием, дисциплинированностью и методичностью» (Расков 2012, 212). Автор рассматриваемой книги считает, что такое влияние эсхатологии на «экономическую активность» осуществилось благодаря специфической «древлеправославной» сотериологии, т. е. учению о спасении. И здесь снова возникают «переключки» с концепцией Вебера, у которого кальвинистская доктрина о безусловном предопределении генерировала «напряженный поиск знаков собственной избранности, в том числе в хозяйственных делах» (Расков 2012, 113). Аналогично, забота о сохранении благосостояния общины перед «близким концом мира» стимулировала «напряженность» и успешность хозяйственной деятельности староверов. Все это может означать, что именно специфика этики, а не «эффект гонимой группы» (на которую в свое время указывал еще Уильям Петти) способствовала экономическим достижениям старообрядцев. Однако (см. далее) книга не содержит однозначного ответа на вопрос о причинах хозяйственной успешности староверов.

Третья глава книги написана в «духе» нового институционализма и характеризуется более высоким уровнем теоретической абстракции. В ней, используя инструментарий новой институциональной теории, Расков обсуждает неформальные институты старообрядчества и их изменения.

Значительное место в этой главе уделено роли неформальных институтов как правил, которые могут и дополнять, и (что особенно важно) заменять формальные институты. В частности, неформальные правила — это то, что определяет поведение небольших групп людей, объединенных по тем или иным признакам, в том числе и религиозным. Здесь Расков затрагивает такой интересный вопрос, как «экономические аспекты деления старообрядчества». Как отмечает автор, «деления приводят к более интенсивной внутренней жизни, к возможности взаимного контроля со стороны членов общины, к большей однородности» (Расков 2012, 226). В результате в таких малых группах с высокой степенью однородности (и высокими «издержками остракизма») неформальные правила оказывались эффективными. И здесь Расков дает сравнительный анализ экономической эффективности общины как инструмента управления в сравнении с фирмами и рынками, подробно показывая ее плюсы и минусы. Свои идеи автор книги иллюстрирует эмпирически на примере деятельности двух общин — Преображенской общины федосеевцев (одного из толков беспоповцев) и Рогожской общины поповцев.

Однако, пожалуй, наибольшее внимание в третьей главе уделено рассмотрению возможных институциональных причин ускорения и последующего замедления роста старообрядческого предпринимательства в XIX в. Расков показывает, как хозяйственный стиль старообрядцев способствовал тому, что именно их общины и предприятия оказывались экономически успешными. В частности, «трудолюбие, осторожность и аскетизм староверов всегда способствовали накоплению капиталов, дополнительному доверию» (Расков 2012, 253). И здесь же вновь проводятся аналогии с американскими пуританами.

А далее начинаются рассуждения автора о внутренних противоречиях старообрядческого предпринимательства. Расков демонстрирует, как экономическое развитие России постепенно приводило к тому, что социально-групповые «мотивы поведения» староверов начинали брать верх над религиозными мотивами. С каждым этапом экономического развития становилась все более актуальной необходимость «выбора между светской экономикой и религией». В результате «одни лишь формально сохраняют приверженность староверию; другие отказываются от выгодных предприятий, сохраняя традиционный и размеренный уклад жизни, частью которого является предпринимательская деятельность. Оба процесса вместе приводят к ослаблению старообрядческого предпринимательства» (Расков 2012, 259). Важным фактором снижения экономической роли староверов стала также более значительная роль государственного и иностранного предпринимательства в России в конце XIX в.

И здесь Расков выявляет двойственный характер влияния «древлеправославных» норм на старообрядческое предпринимательство. В начале XIX в., при отсутствии рынка рабочей силы, нехватке финансовых ресурсов, неразвитости торговых отношений это влияние было положительным. В конце XIX в., когда указанные проблемы были в определенной степени решены, и важную роль в российской экономике играли государство, иностранный капитал и банковский сектор, ситуация, естественно изменилась. Влияние указанных норм на успешность хозяйственной деятельности староверов стало отрицательным. Преимущества и недостатки хозяйственного стиля старообрядцев обобщены в таблице 14 (Расков 2012, 263); эта таблица возможно является квинтэссенцией всей книги.

Итак, трудолюбие, с одной стороны, положительно влияло на производительность работников и их самоорганизацию, но отрицательно воздействовало на склонность к принятию и внедрению новых технологий, а также развитию капиталоемких производств. Бережливость активно способствовала накоплению внутренних финансовых ресурсов, но отбивала стимулы к внешнему, прежде всего, банковскому финансированию. Доверие «среди своих» создавало возможности для доступа к беспроцентному кредиту и информации, но отталкивало от использования безличного рыночного механизма. Общинный характер деятельности старообрядцев позволял им экономить на трансакционных издержках в торговле и предпринимательстве, но создавал препятствия для развития хозяйственных отношений староверов с государством и иностранцами, а также для развития новых производств и освоения новых регионов.

Таким образом, из логики рассуждений автора следует, что старообрядческое предпринимательство весьма сильно способствовало развитию капиталистических отношений в России и экономическому росту нашей страны, но позднее, уже в конце XIX в., неформальные институты старообрядчества стали скорее препятствовать хозяйственному развитию и при этом подвергались размыванию. «Если в условиях крепостного права и неразвитости рыночных отношений нормы, сложившиеся в общинах староверов, помогли формированию новых институтов в промышленности и торговле, то в обстоятельствах конца XIX в. эти же нормы становились препятствием для дальнейшей экспансии» (Расков 2012, 264).

В конце книги, после заключения, следуют приложения, содержащие пять оригинальных текстов, являющихся памятником старообрядческой письменности.

Надо отметить, что рассматриваемый труд Раскова не только отвечает на многие вопросы, давно поставленные учеными, интересующимися старообрядческим предпринимательством и смежными областями, но и (может быть, помимо воли автора) ставит новые вопросы. Пять самых важных блоков таких вопросов мы попытаемся здесь сформулировать.

Прежде всего, что такое «картина мира» и что такое «хозяйственный стиль»? Что означают эти понятия, играющие важнейшую роль в разбираемой нами книге? Автор использует эти термины, никак не определяя их. Впрочем, этот тезис верен лишь отчасти: из текста книги можно сделать вывод, что «картина мира» — это «мировоззрение, ставшее культурной нормой» (Расков 2012, 140, курсив мой — И.Р.). Однако Расков не объясняет, из какого источника он заимствует указанные понятия. Но эти термины отсутствуют и в современной экономической теории, и в экономической социологии. В личной беседе автор книги указал мне на то, что термин «хозяйственный стиль» встречается в одной из работ Артура Шпитгофа (*Spiethoff* 1932), ученика Густава Шмоллера. Однако найти «шпитгофское» определение этого термина все равно не удалось. Я предлагаю определять хозяйственный стиль как укоренившиеся в обществе образцы экономического мышления, общения и поведения; но, возможно, удастся сформулировать и более подходящую дефиницию.

Тогда возникают следующий блок вопросов. Что определяет картину мира и хозяйственный стиль? Какие разновидности картины мира и хозяйственного стиля способствуют экономическому развитию, а какие препятствуют ему? Можно ли экономические достижения и провалы СССР связать с особенностями картины мира и хозяйственным стилем «гомо советикус»? Можно ли говорить о том, что экономические неудачи постсоветской России в значительной степени предопределены хозяйственным стилем постсоветских россиян?

Следующий блок вопросов касается понятий «традиционного капитализма» и «современного капитализма». Выше была дана ссылка на высказывание автора книги, где он противопоставляет эти два типа капитализма, один из которых — «традиционный» базируется на персонализированных и семейных отношениях, а другой — «современный» — на безличных отношениях. Основной вопрос, который здесь возникает, не является ли понятие «традиционного капитализма» оксюмороном? Если нет, то можно ли привести примеры из хозяйственной практики прошлого и современности, которые продемонстрировали бы экономическую систему, в которой доминировал именно традиционный капитализм? И что было капиталистического в той системе, которая существовала в России в конце XVIII–начале XIX вв.? И как стоит называть ту экономическую систему, которая сложилась в постсоветской России?

Кроме того, из книги не ясно, в какой степени успехи и неудачи старообрядческого предпринимательства несут уникальный характер, обусловленный спецификой этики староверов, а в какой степени являются просто еще одним рядовым примером деятельности «предпринима-

тельских меньшинств» вроде квакеров в Англии или меннонитов и мормонов в США (Расков 2012, 228)? Однозначного ответа на этот вопрос книга все-таки не дает (как уже отмечалось выше).

Далее, как соотносятся религиозное благочестие и распространенность оппортунистического поведения? В какой степени экономический успех староверов был достигнут благодаря отсутствию оппортунизма в отношениях между ними? Насколько оппортунистично вели себя старообрядцы по отношению к «чужакам» — представителям «официального православия» и иностранцам? Увеличивалась ли степень оппортунизма среди староверов по мере экономического развития России в конце XIX–начале XX вв.? В какой степени сегодняшняя широкая распространенность оппортунизма в постсоветской России является следствием атеизма и агностицизма современных россиян?

Наконец, в какой степени можно говорить о том, что этика староверов была обречена на упадок, подобный упадку этики крайних протестантских сект? И вообще, можно ли говорить о каких-либо закономерностях динамики того, что я называю аскетическая экономическая культура, под которой я понимаю набор моральных принципов, требующих от людей отказа от части их текущего потребления во имя тех или иных «высших целей»? Иными словами, насколько долго может существовать аскетическая экономическая культура, примером которой, безусловно, являются экономические институты старообрядчества? Неизбежен ли происходящий по мере хозяйственного развития упадок такой культуры, или, иными словами, были ли обречены рассмотренные в работе институты на размывание и деградацию?

На мой взгляд, появление всех этих вопросов означает, что рассматриваемая книга Раскова является весьма плодотворной и как бы указывает на возможные перспективные пути дальнейших научных исследований. Эта плодотворность в значительной степени следствие того, что автор рассмотренной работы отказался от использования предпосылки индивидуального рационального выбора как «исходной предпосылки» и добросовестно следовал междисциплинарному подходу, в рамках которого экономисты сдерживают свой снобизм по отношению к другим социальным наукам, в первую очередь, социологии и религиоведению.

ЛИТЕРАТУРА

- Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Расков Д.Е. (1998). Старообрядческое предпринимательство в свете теории М. Вебера // Семинар молодых экономистов. Вып. 4.
- Расков Д.Е. (2012). Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд. дом СПбГУ.
- Spiethoff, A. (1932). Die allgemeine Volkswirtschaftslehre als geschichtliche Theorie. Die Wirtschaftsstile, in Festschrift in honour of Werner Sombart, Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche. 56. 891–924.